

Владимир Даль

Беглянка

Услужливый и толковый проводник по земле турецкой, привез меня к ночлегу в русскую деревню. Поразительно было встретить тут все обычаи и весь быт русский, коренной, исконный, который даже не всегда и не везде можно найти в России. Изба и почти вся утварь русские, только посуда частью медная, луженая внутри и снаружи, а частью глиняная, превосходной выделки и вида: не горшки, а античные кувшины, урны и вазы...

Хозяин мой был расторопный мужичина, который обрадовался русскому гостю, много расспрашивал и сам рассказывал и уверял, между-прочим, будто он уже родился в Турции, тогда-как, глядя на эту кулебяку с бородой, в красной рубахе, по неволе казалось, что она вот только-что перенесена за Дунай из-под Москвы.

Другой земляк вошел в избу, перекрестился по-ихнему и позвал хозяина с собой. Осталась хозяйка, молодая, очень-видная женщина, в русском платье, которой голосу я дотоле еще не слышал. Когда хозяин ушел, я заговорил с нею, спросив ее, куда его позвали.

— Там какой-то старик приехал — отвечала она, — уставщик, так к нему; они теперь там всю ночь просидят.»

По первому слову ее видно было, что синий сарафан носит она не с детства, и даже не слишком давно, променяв на него запаску или плахту. Я сказал ей смеючись, что она из Новороссийского края и чуть-ли не Херсонской губернии. Она тяжело вздохнула, как-будто не вывела вдоха, робко оглянулась кругом, хотя и знала, что тут никого более нет, вдруг зарыдала, упала мне в ноги и взмолилась:

— Паночку, возьмите меня с собой, что хотите заставляйте делать, я буду вековая работница ваша, только возьмите меня отсюда!..

— Несколько успокоив ее с трудом, я стал ее расспрашивать и, благодаря продолжительному отсутствию хозяина, без труда узнал всю жалкую и любопытную жизнь бедной Домахи, которую здесь перекрестили, не знаю по каким приметам и соображениям, в Улиту.

— Я точно херсонская, вот из такого-то места, выросла в деревне, — говорила она, — а пятнадцати лет взята была во двор. Барыня полюбила меня, и когда, года через три, стали просить меня добрые люди за сыновей своих, то барыня отказала и тому и другому, сказав мне, что для меня будет жених хороший. Ну, воля барская, подумала я: хороший так хороший; а мне еще лучше посидеть в девках, не надокучило. На селе у нас был приказчик, из крестьян же, старик трезвый, хороший и таки не без добра: все знали, что у него, кроме полного хозяйства и двух плугов волов, есть еще и хорошие деньги. За него ли барыня меня прочила — не знаю; но только как прошел Покров, да старосты пошли с посошками по селу, так приказчик наш поклонился барыне в ноги и стал просить меня за второго сына, за Стецька. Барыня согласилась и стали меня готовить к свадьбе.

Стецько был человек хороший, в отца, а отец его богат, так мне все стали завидовать. Отца у меня не было, а мать плакала, радуясь моей доле. Глядя на людей, и я не тужила, и даже было поверила им, что вот Бог дает мне счастье.

Сказать правду, Стецько был человек хороший и любил меня; без малого год жили мы своим хозяйством, как живут добрые люди. Хорошо мне было тогда; и теперь, припоминая былое, не верится, что было когда-то хорошо. Не в воле счастье, а в доле. Вдруг, откуда ни взялся недобрый человек... Бог ему судья... Он и погубил нас.

Муж мой, бывало, трезвый, тихий, работающий, воротился в один вечер с работы, как ровно сам не свой, и всю ночь прошатался либо в шинке, либо и сама не знаю где, а утром воротился и завалился спать; там опять куда-то ушел, как ночью сказал мне, что хочет на волю в Туречину, где нет ни некрутины, ни податей; где винограда, меда и молока вволю, и где наши, русские, живут как в раю. Много он еще насказал мне, что там-де нет и работы, а все лежебоки и все от султана большое жалованье получают, а земля такая, что все сама родит, а народу воля на все четыре стороны, ступай куда хочешь. Я так и ахнула, заплакала-было, но он на меня прикрикнул, как еще со дня свадьбы нашей не случалось, и велел молчать, да собираться. Сам он пробегал еще сутки двое, как бешеный, что и я в нем не могла узнать того человека, каким он был прежде; даже раза два страшно пригрозился на меня, когда я стала просить его, чтоб остался, да забыл бы Туречину, и стращал, что убьет меня, если я кому хоть слово скажу.

У мужа своих денег было ста три; а как продавать все хозяйство ему нельзя было, чтоб люди не догадались о недобром его замысле, то он только продал потихоньку пару волов, да в ту ночь, как уже совсем мы собрались, взял у отца двести рублей, да покинул ему записку, повинился во всем, просил, чтоб не искали его, что он-де ушел на вольную сторону, чтоб отец не клепал за деньги на других людей, а взял бы за эти деньги все наше хозяйство, и хлеб, и скотину. Там просил он в письме и отцовского благословения — да где уж на такое дело благословить отцу! Ох, не было тут его благословения! — сказала она и сама залилась опять слезами. — Вот, о полуночи, забрав мешки с хлебом, которые припасли мы на дорогу, помолились мы и пошли. Я не знала куда и зачем мы идем, и только путем об этом услышала от мужа. Давнишний бродяга — прости, Господи, мое согрешение! — который давно уже ушел из-под Москвы туда к нам, в херсонскую, а оттоле вот сюда, в Туречину, пришел с Дунаю на дубу, стоял в Лиман, в камышах, и колобродил по шинкам и базарам, подбивая народ идти с ним в Туречину. Он-то, вишь, подбил и мужа моего, Царство ему Небесное, и наговорил ему обманом про турецкую землю, что про рай земной. Не стерпела я, стала плакать еще раз и просить мужа, чтоб раздумал, да не верил бы такому шатуну; так он, сердечный, инно меня ударил... Ударил впервые и впоследствии, и Бог ему это простит, и не для жалоб говорю я об этом, а к тому только, батюшка, что тихий, смирный был он человек, ни когда никого не обижал, а меня даже словом никогда не тронул; а тут вот, как попала дурь эта в голову, так и сам не свой, и сам не знает, что делает...

Шли мы во всю ночь, со светом залегли в камышах, пролежали опять до ночи, там пошли и пришли до света на это место, где, по приметам, должен был стоять за камышами дуб; тут ломились мы камышами по плавне, часа три; из сил выбились, так-что бросили-было и хлеб; отдохнув, однако, пошли еще далее, по звездам, потому-что идешь по колени и по пояс в воде, а камыши лесом стоят, так-что свету Божьего не видать; ну, вышли мы, наконец, на самый берег Лимана. Не услышал Бог молитвы моей; а я молчу, говорить не смею ничего, только молюсь: Господи, умилосердись над нами, дай нам Бог заплутаться тут, чтоб и до века не найти ни

дубка, ни хозяина его, а пошатавшись бы воротиться опять домой... Нет: как только стала заниматься заря, то увидали мы в стороне, под берегом, этот злыдарный дуб...

Хозяин принял нас ласково, обрадовался нам, поднес вина — и муж меня заставил выпить. «Вот, — сказал тот, — видишь ли, какво винцо? А и оно там вольное, хоть сам кури, хоть пей, хоть лей, хоть, пожалуй, шинкуй, ни на что нет запрету! А что, — спросил он, когда поднес мужу, который, бывало, не пил вовсе, другой стакан, — а что, брат, скажи правду, собрал деньжонок сколько-нибудь? Ведь без денег нигде не живет,я, везде плохо! Муж мой и похвалился ему, что сот шесть будет, да и ударил себя рукой по груди, где лежали деньги в сумочке. Хозяин обрадовался, это-де хорошо; вот заживешь, говорит, так заживешь; там на эти деньги и двор и землю купишь, и сады и огороды, и все, что твоей душе угодно... Вот заживешь, так уж будешь век меня помнить...

Ох! — продолжала она, — и точно, что заставил ты себя помнить, попутай и накажи тебя Бог!.. Да нет, такие, как ты, живут; а вот мужа моего сердечного уж нет на свете.

На другую ночь, мы снялись с якоря и вышли в Лиман. Таких же, как муж мой, что сманили от господ на волю, было еще три человека; вот, что вы у нас работника видели, так это один из них — а молодница я одна только была: те, кто холостой, а кто жену покинул, да ушел один. На дубу было с хозяином также три человека. Ночь прошла благополучно, как днем плыли мы недалеко; подошедши же под камыши, там притаились. Вечером опять снялись да пошли; и ветер и течение были попутные, так мы к свету и вышли в море. Настал опять вечер — и хозяин принялся поить гостей своих, будто радуясь, что благополучно ушли. Все перепились и уснули. Я долго сидела и плакала, муж на меня рассердился и прогнал меня; так я и свернулась и улеглась на другом конце дуба, на носу, а они спали в корме. С зарей я проснулась, поглядела туда — еще спят все. Немного погодя, я опять поглядела — что-то больно жаль стало мне мужа — те проснулись: кто сидел, кто ходил, а Степана не видать. Сердце так во мне и заныло, словно тесно ему стало; что такое, по чем и по ком — и сама не знаю. Поглядела я еще, пошла в корму, пересмотрела всех — нет моего муженька... я к одному, к другому — все молчат... Господи, что такое случилось над нами грешными? Проклятые, что они над ним сделали? За тем-то и спрашивали они, много ли-де у тебя денег... Упоив его, хозяин снял с него кожаный карман, а самого и выкинул в море... Господи, успокой грешную душу его, прости и помилуй его, хоть за мученическую смерть!..

Она было замолчала, залившись слезами, а немного погодя опять взмолилась, чтоб я ее увез в Россию. Я просил ее досказать, что же случилось потом с прочими и в особенности с нею самою.

— Да что ж! — сказала она, подгорюнясь, — богатого-то мужика, сманив обобрали, да утопили, а бедных взяли в кабалу: насчитали на них за хлеб, за провоз, да просят еще деньги, за то-де, что увезли на волю, да в вековечные работники и взяли их; вот тебе и воля. А им, бедным, тут куда деваться? Все одна шайка, эти старые бродяги, все за одного стоят, пожалуй, еще убьют, не что возьмешь.

— Ну, а ты же, как живешь?

— Да как, батюшка, — сказала она и опустила голову, будто не смела глядеть на меня прямо и тяжело вздохнула, — известно, наше дело сиротское, так вот и живу.

— Да у кого же ты живешь?

— У хозяина.

— У какого хозяина?

— Да у того самого, что мужа-то сгубил, батюшка, что приходил за нами на дубу в Лиман; это он самый и есть... (Она робко оглянулась и снова залилась слезами.) Горькая участь моя, баринушка! и утопиться-то не дали мне, когда я хотела-было кинуться в море, туда же, где безбожники утопили бедного Степана; хозяин сперва обманывал меня, стал божиться, что муж мой пересел ночью на другой встречный дуб, и что мы его уже застанем здесь. Когда прибыли мы сюда, так стали утешать меня, что муж мой скоро будет, а после сказали, что он пьяный утопился. Да нет, не верила я им с самого начала: чуюло сердце мое, что они над ним сделали. Раз, один работник наш, как хозяйина не было дома, стал тосковать да каяться, что зачем послушался недоброго человека, да ушел сюда — и стал было он меня подговаривать бежать с ним, да и признался мне, что хоть и был сам в то время хмелен, а видел и помнит, что Степана обобрали и утопили.

— А ты как же тут живешь? — продолжал я допытываться, — тоже работницей, или как?

— Да, отвечала она, будто нехотя, — и работаю, что в доме нужно, известно, по хозяйству... только-что греха много на душу приняла... Неволя, баринушка; сами знаете, нашей сестре одной куда деваться, когда своей воли нет!.. — и зарыдала снова, и опять стала проситься со мной: — Он держит меня заместо хозяйки, продолжала она, успокоившись немного, — и что я перенесла побоев, когда не соглашалась на волю его, так уж я и не знаю, как жива осталась...

Тут хозяин воротился, вошел спокойно в избу, а Домаха, отворотившись, занялась хозяйством и скрыла тревожное свое положение. Хозяин подсел ко мне ласково и весело, стал беседовать и расспрашивать о всякой всячине и выпроводил меня утром с поклонами и пожеланиями, помянув несколько раз Бога, без Которого, по его словам, ни до порога, и от Которого он желал мне и сам себе ждал, коли Его святая воля будет, всякого благополучия...